

Бледное лицо Мо Цяня залил румянец. Он застыл, словно в оцепенении, ведь желанное тепло казалось таким близким, почти осязаемым.

Мягкий свет ламп окутал Цзян Юаньсэ теплым сиянием. Он переоделся в свободную домашнюю одежду и, склонившись, подал Мо Цяню тапочки. Движения его были естественными, и лишь присмотревшись, Мо Цянь заметил, что это пушистые белые тапочки в виде кроликов.

— Какие милые... — прошептал Мо Цянь. Когда он надел их, мягкий ворс приятно защекотал ступни.

Цзян Юаньсэ проводил его к обеденному столу. В ярком свете ламп на душе стало светло и спокойно. Цзян Юаньсэ налил ему воды в высокий стеклянный стакан. Мо Цянь осторожно приник губами к краю; холодное стекло коснулось зубов, и он не смог унять нахлынувшие мысли — пил ли Цзян Юаньсэ из этого стакана раньше?

Он заглянул на кухню. Обычный кухонный фартук с кроликами плотно облегал талию Цзян Юаньсэ, который хлопотал у плиты, излучая уютную домашнюю атмосферу.

Цзян Юаньсэ раздумывал, не воспользоваться ли Системой для создания пиршества, но, вспомнив, что при первом использовании получил нечто неаппетитное, напоминающее помой, решил готовить сам. Даже если выйдет невкусно, это по крайней мере можно будет есть.

Он выловил из кастрюли капусту, затем опустил в кипяток лапшу, а чуть позже разбил туда пару яиц. Когда всё было готово, откинул лапшу и яйца на тарелку. Разогрев масло, он обжарил лук и полил получившимся ароматным маслом и соевым соусом готовую порцию.

Цзян Юаньсэ закатал рукава, обнажая рельефные мышцы рук. Мо Цянь ждал его, и его глаза, как и в прошлый раз, ярко блестели. Обычно в его взгляде читалась агрессия, некая природная злоба и готовность к смерти, но сейчас всё это растворилось в искреннем обожании.

— Приготовил кое-что на скорую руку, перекуси, чтобы заморить червячка, — Цзян Юаньсэ сам уже проголодался и, опасаясь, что Мо Цянь будет стесняться, пригласил его к столу.

Мо Цянь послушно взял палочки. Оба подростка, изголодавшись, ели быстро, и в комнате стоял лишь звук жующих людей. Когда с едой было покончено, Цзян Юаньсэ почувствовал, что остался не совсем сыт — хотелось мяса.

Мо Цянь принялся убирать со стола и мыть посуду. Цзян Юаньсэ зашел на кухню, чтобы помочь, но увидел, что всё уже вымыто и расставлено сушиться.

— Иди ложись, я намажу тебя мазью, — произнес Цзян Юаньсэ, и уши Мо Цяня тут же покраснели.

Он лег на бок на коричневый диван. На фоне темной обивки его кожа казалась совсем бледной, а спина была покрыта густой сетью пугающих синяков. Его выступающие лопатки напоминали крылья птицы, готовой к полету.

Цзян Юаньсэ взял мазь, согрел её в ладонях и приложил к коже Мо Цяня. Средство таяло между его нежно-розовыми пальцами, оставляя липкие следы. Мо Цянь вздрогнул от тепла, поспешно отвел взгляд, но после этого прикосновения стали казаться еще острее.

Он чувствовал, как длинные, узловатые пальцы Цзян Юаньсэ втирают мазь в кожу. У Цзян Юаньсэ была прохладная кожа, и даже согретая мазь казалась холодной. В момент прикосновения мышцы Мо Цяня напряглись, но он заставил себя расслабиться, вновь залюбовавшись руками Цзян Юаньсэ — с ровными, блестящими, словно холодный нефрит, ногтями.

Цзян Юаньсэ тщательно массировал места с синяками. Мо Цянь лежал тихо. Несмотря на удобу, по его плечам было видно, что со временем он станет высоким и крепким юношей.

Под мерными движениями Цзян Юаньсэ Мо Цяня начало клонить в сон. От дивана исходил легкий аромат горького апельсина, точно такой же, как от самого Цзян Юаньсэ — должно быть, они пользовались одним средством для стирки. Мо Цянь погрузился в безмятежные мысли. Как же спокойно... словно корабль, наконец нашедший тихую гавань. На душе стало тихо.

Цзян Юаньсэ закончил растирать синяки, и теперь бледная спина Мо Цяня горела красным. Дыхание лежащего было ровным, и Цзян Юаньсэ, решив, что парень уснул, на цыпочках собрался отойти.

К его удивлению, Мо Цянь, преодолевая сильную усталость, попытался встать. Глаза его слипались, а в голове пульсировала мысль: нужно уходить, не стоит доставлять Цзян Юаньсэ лишних хлопот.

Цзян Юаньсэ на мгновение замер, затем мягко уложил его обратно, погладив по волосам у корней. От этого прикосновения напряженные нервы Мо Цяня окончательно отпустили.

— Спи, — прозвучал спокойный голос, дарящий бесконечное чувство безопасности.

Впервые в жизни он позволил себе провалиться в темноту сна.

<http://bllate.org/book/21520/2208117>